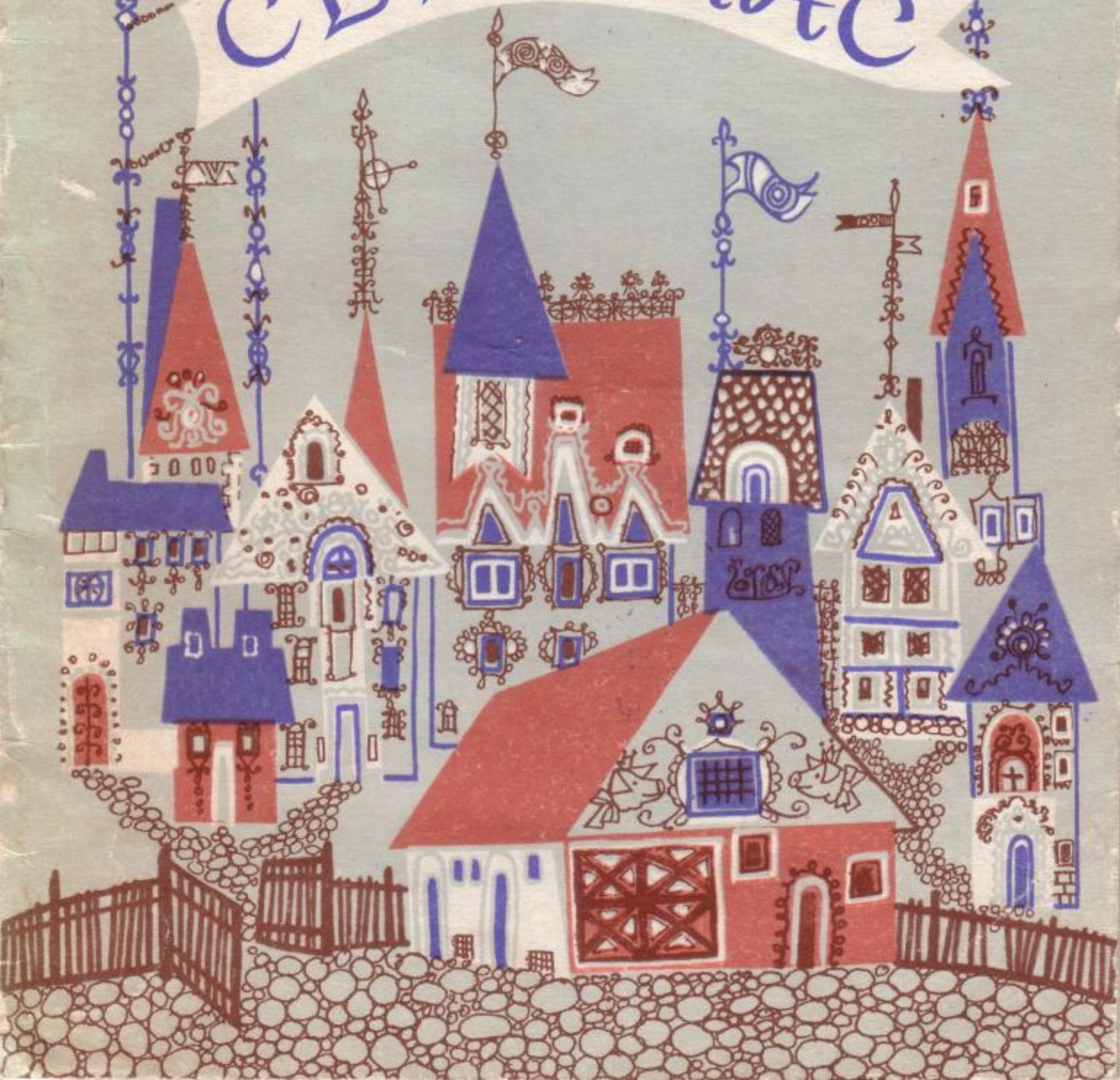

Г.Х. АНДЕРСЕН

СВЯТОПАС

Жил-был бедный принц. Королевство у него было совсем маленькое, но все-таки не настолько уж ничтожное, чтобы принцу нельзя было жениться; а жениться ему хотелось.

Это, конечно, было дерзко с его стороны — спросить дочь императора: «Пойдешь за меня?» Впрочем, имя он носил славное и знал, что сотни принцесс с радостью приняли бы его предложение.

Интересно знать, что ответила ему императорская дочка.

Послушаем же, как дело было.

Отец у принца умер, и на его могиле вырос розовый куст невиданной красоты; цвел он только раз в пять лет, и распускалась на нем одна-единственная роза. Но что это была за роза! Она благоухала так сладостно, что, понюхаешь ее — и заботы свои и горе забудешь. Еще был у принца соловей, который пел так чудесно, словно в горлышке у него хранились все самые прекрасные мелодии, какие только есть на свете. И роза и соловей предназначались в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император приказал внести ларцы прямо в большой зал, где принцесса играла с фрейлинами в «гости», — других занятий у нее не было. Увидав большие ларцы с подарками, принцесса от радости захлопала в ладоши.

— Если бы там оказалась маленькая киска! — воскликнула она. Но в ларце был розовый куст с прекрасной розой.

— Ах, как мило она сделана! — залепетали фрейлины.

— Больше чем мило, — проговорил император, — прямо-таки великолепно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая.

— Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!

— Подождите! Посмотрим сначала, что в другом ларце, — провозгласил император.

И вот из ларца вылетел соловей и запел так чудесно, что ни у кого язык не повернулся сказать о нем дурное слово.

— Superbel! Charmant!¹ — затараторили фрейлины; все они болтали по-французски одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает мне музыкальную табакерку покойной императрицы! — сказал один старый придворный. — Тот же тембр, та же подача звука!

— Да! — воскликнул император и заплакал, как ребенок.

— Надеюсь, что птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Самая настоящая! — ответили ей послы, доставившие подарки.

— Так пусть летит, куда хочет! — заявила принцесса и отказалась принять принца.

Но принц не пал духом, — вымазал себе все лицо черной и коричневой краской, надвинул шапку на глаза и постучался.

— Добрый день, император! — сказал он. — Не найдется ли у вас во дворце какой-нибудь работы для меня?

— Много вас тут ходит да просит! — ответил император. — Впрочем, погоди — вспомнил: мне нужен свинопас. Свиной у нас тьма тьмущая.

¹Бесподобно! Прелестно! (франц.)

И вот принца назначили придворным свинопасом и поместили его в убогой крошечной каморке, рядом со свинными закутами. Весь день он сидел и что-то мастерил, и вот к вечеру смастерил волшебный горшочек. Горшочек был весь увешан бубенчиками, и когда в нем что-нибудь варили, бубенчики вызванивали старинную песенку:

Ах, мой милый Аугустин,
Аугустин, Аугустин,
Ах, мой милый Аугустин,
Все прошло, все!

Но вот что было всего занимательней: поддержишь руку над паром, который поднимался из горшочка, и сразу узнаешь, кто в городе какое кушанье стряпает. Да, уж горшочек этот был не чета какой-то там розе!

И вот принцесса отправилась на прогулку со своими фрейлинами и вдруг услышала мелодичный звон бубенчиков. Она сразу остановилась и просияла: ведь сама она умела играть на фортепьяно только одну эту песенку — «Ах, мой милый Аугустин!», да и то лишь одним пальцем.

— Ах, и я тоже это играю! — сказала принцесса. — Вот как! Значит, свинопас у нас образованный! Слушайте, пойдите кто-нибудь и спросите у него, сколько стоит этот инструмент.

Пришлось одной из фрейлин надеть деревянные башмаки и отправиться на задний двор.

— Что возьмешь за горшочек?— спросила она.

— Десять поцелуев принцессой!— ответил свинопас.

— Как можно!— воскликнула фрейлина.

— Дешевле нельзя!— отрезал свинопас.

— Ну, что он сказал?— спросила принцесса.

— Право, и повторить нельзя!— ответила фрейлина.— Ужас что сказал!

— Так шепни мне на ухо.

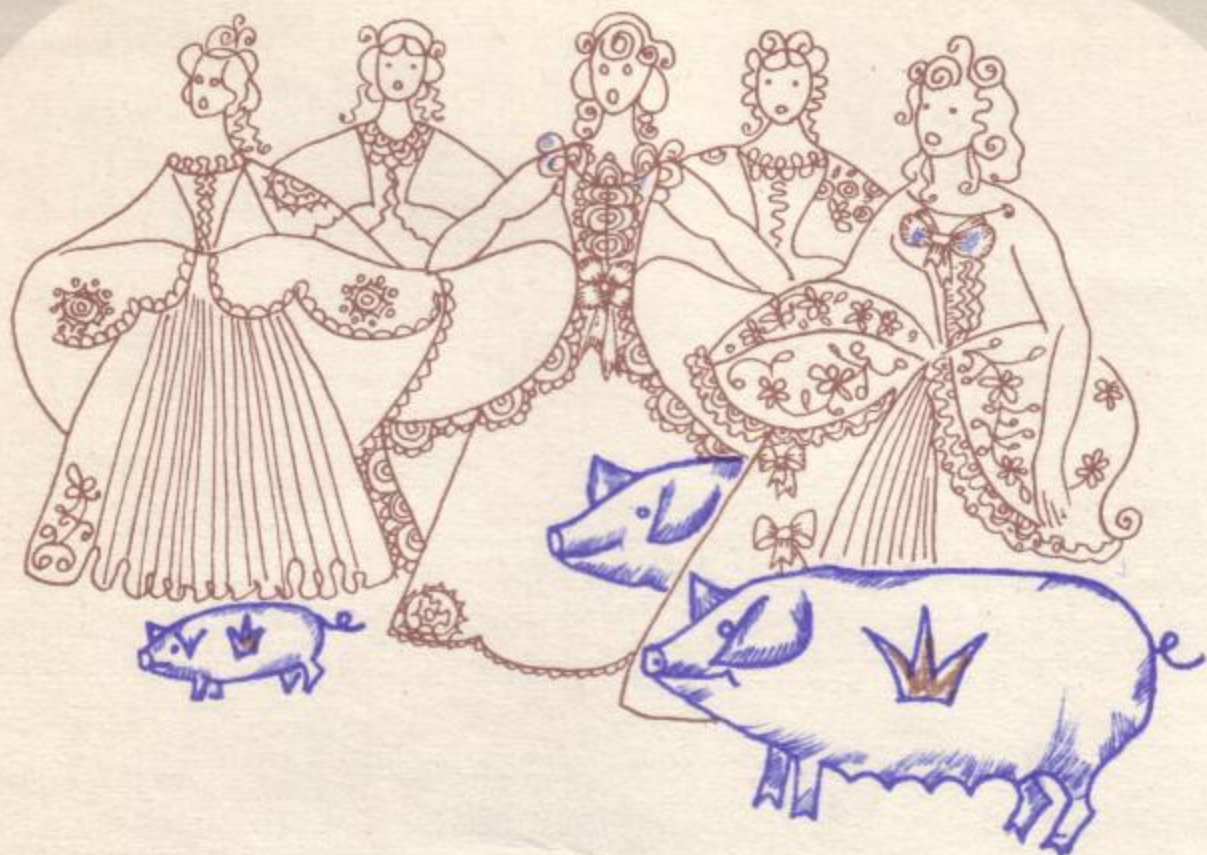
И фрейлина шепнула.

— Вот нажал!— рассердилась принцесса и пошла было прочь, но... бубенчики зазвенели так приманчиво!

Ах, мой милый Аугустин,
Все прошло, все!

— Послушай,— сказала принцесса фрейлине.— Пойди спроси, не возьмет ли он десяток поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо,— ответил свинопас.— Десять поцелуев принцессы; а иначе горшочек останется у меня.

— Как это неприятно!— проговорила принцесса.— Ну что ж, делать нечего! Придется вам окружить нас, чтобы никто не подсмотрел.

Фрейлины обступили принцессу и загородили ее своими пышными юбками. Свинопас получил от принцессы десять поцелуев, а принцесса от свинопаса — горшочек.

Вот была радость! Весь вечер и весь следующий день горшочек не снимали с очага, и в городе не осталось ни одной кухни, от камергерской до сапожниковой, о которой не стало бы известно, какие кушанья в ней готовились.

Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши:

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— Чрезвычайно интересно!— подтвердила обер-гофмейстерина.

— Да, но держите язык за зубами, я ведь дочь императора!

— Конечно, как же иначе! — воскликнули все.

А свинопас (то есть принц, но его все считали свинопасом) даром времени не терял и смастерил трещотку; стоило этой трещоткой махнуть, как она начинала играть все вальсы и польки, какие только существуют на белом свете.

— Какая прелесть! — воскликнула принцесса, проходя мимо. — Вот так попури! В жизни я не слыхала ничего лучше! Подите спросите, за сколько он отдаст этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто поцелуев принцессы! — доложила фрейлина, побывав у свинопаса.

— Да что он, с ума сошел? — воскликнула принцесса и пошла своей дорогой, но шагнула раза два и остановилась. — Надо поощрять искусство! — сказала она. — Ведь я дочь императора! Скажите свинопасу, что я по-вчерашнему дам ему десять поцелуев, а остальные пусть получает с моих фрейлин.

— Да, но нам бы не хотелось... — заупрямились фрейлины.

— Вадор! — сказала принцесса. — Уж если я согласилась поцеловать его, то вы и подавно должны согласиться! Не забывайте, что я вас кормлю и плачу вам жалованье.

И фрейлине пришлось еще раз отправиться к свинопасу.

— Сто поцелуев принцессы! — повторил он. — А нет — останемся каждый при своем.

— Станьте в круг! — екомандовала принцесса; и фрейлины обступили ее, а свинопас принялся ее целовать.

— Что это за сборище у свинных закут? — спросил император, когда вышел на балкон; он протер глаза и надел очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть!

Он поправил задки своих туфель — они у него были совсем стоптанные — и быстро в них зашлепал в ту сторону.

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, которые были поглощены подсчетом поцелуев, — надо же было следить за тем, чтобы со свинопасом расплатились честь по чести и он получил ни больше ни меньше того, что ему причиталось. Никто поэтому не заметил императора, и он стал на цыпочки.

— Это еще что за шутки! — крикнул он, увидев, что его дочка целуется со свинопасом, и хлопнул ее туфлей по темени как раз в ту минуту, когда свинопас получал от нее восемьдесят шестой поцелуй.

— Вон отсюда!— в гневе заорал император и выгнал из своего государства и принцессу и свинопаса.

И вот теперь принцесса стояла и плакала, свинопас бранился, а дождик поливал их обоих.

— Ах я несчастная!— ныла принцесса.— Отчего я не вышла за красавца принца! Ах, до чего же мне не повезло!

Меж тем свинопас зашел за дерево, стер с лица черную и коричневую краску, скинул пеструю одежду и явился перед принцессой в своем королевском платье. И так он был хорош собой, что принцесса сделала ему реверанс.

— Теперь я тебя презираю!— сказал он.— Ты не захотела выйти за принца! Ни соловья, ни розы ты не оценила, а согласилась целовать свинопаса за безделушки! Поделом же тебе!

Он вернулся в свое королевство и, крепко захлопнув за собой дверь, запер ее на замок. А принцессе осталось только стоять да петь:

Ах, мой милый Аугустин,
Все прошло, все!

Цена 15 коп.

Художник Т. Г. ЮФА

Печатается по изданию: Ханс Христиан Андерсен. Сказки и истории. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1955.

Редактор — К. Ф. Ведюкова. Художественный редактор — Р. С. Киселева. Технический редактор — Л. В. Шевченко. Корректор — Л. П. Лихачева.

Сдано в набор 2/XI 1971 г. Подписано к печати 2/III 1972 г. Бумага 70×90 1/16. № 1. 1,17 усл. печ. л., 1,95 уч.-изд. л. Изд. 164. Заказ 5063. Тираж 750000. Цена 15 коп.

Издательство «Карелия». Петрозаводск, пл. им. В. И. Ленина, 1. Типография им. Анохина Управления по печати при Совете Министров Карельской АССР. Петрозаводск, ул. «Правды», 4